

УДК 130.3

Этническое мышление против конструкта нации

А. И. Бобков

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье анализируется противопоставление этнического мышления и мышления нации. Такое противопоставление является необходимым в силу того, что этнический образ общества и современный образ общества находятся в состоянии диссонанса. Это связано с тем, что этнос всегда приручал субъекта к творению общества, а современное общество, к сожалению, эти практики игнорирует, предлагая взамен конструкты. Его упование на тотальный рынок блокирует многие институты, незаметно их разрушая. В результате трагедия ненужности этнической культуры становится важной составляющей существования нашего современника.

Ключевые слова: этнос, нация, социальное, религиозный опыт, этническое самосознание, интимное, социальная субъектность.

В контексте социальной философии есть проблемы, обсуждение которых ведется постоянно. И чем больше таких обсуждений, тем больше проблем хочется обсудить. Например, важной проблемой методологического характера может быть проблема, связанная с отношением социальной субъектности и социального объективирования. Под социальной субъектностью в данном случае мы понимаем коллективное образование, не позволяющее преобразовать свою целостность, кроме как через прекращение процессов своей жизнедеятельности. Иначе говоря, социального субъекта не уничтожить до тех пор, пока он восстанавливает связи, разрушенные в результате вмешательства социального конструирования. К таким социальным субъектам, по нашему мнению, принадлежит этнос, столь тщательно разрушаемый символическими конструктами, одним из коих следует считать нацию. Нация не субъект, она конструкт преобразованного в буржуазных интересах населения, до этого разрушенного католической и протестантской символическими революциями. Нация двуязычна, она создается билингвистами. Это убедительно показал в своем исследовании «Воображаемые сообщества» Бенедикт Андерсон. Конечно, нельзя не заметить, что он сторонник конфликтной парадигмы социального познания, но вместе с тем его трактовка истоков национализма не лишена научной ценности.

Вместе с тем нельзя не отметить то, что католическое существование европейской образованности и интеллектуалов приводило к тому, что после

буржуазных революций стал возникать национализм, который в свою очередь создал нации конструктивистским способом, т. е. десубъективацией этноса и объективацией некоего мировоззрения мелкого буржуа. Конструирование – это насильственное соединение доселе несоединимых элементов, которое не может существовать без убеждения населения в том, что оно является единственным решением вопроса социальной интеграции.

После такого насильственного конструирования одерживает верх мифология о том, что первобытное мышление этноса регрессивно, а точнее в нем отсутствует некий рациональный элемент. Люсьен Леви-Брюль, говоря о представлениях первобытного человека, по этому поводу отмечал: «Не будучи чистыми представлениями в точном смысле слова, они обозначают или, вернее, предполагают, что первобытный человек в данный момент не только имеет образ объекта и считает его реальным, но и надеется на что-нибудь или боится чего-нибудь, что связано с каким-нибудь действием, исходящим от него или воздействующим на него. Действие это является то влиянием, то силой, то таинственной мощью, смотря по объекту и по обстановке, но действие это неизменно признается реальностью и составляет один из элементов представления о предмете» [6]. Описание такого объекта напоминает описание нуминозного, предложенное Р. Отто. Предположим, что прорыв нуминозного есть один из результатов реализации этнического мышления. Тогда этноцентризм и есть искомая эмоционально-волевая составляющая социального бытия, когда человек окончательно выбрал самое мудрое, что есть в человечестве, не зная ни о чем-то другом, ибо другое для него объективно, в силу мощи этноцентричного мышления. Народ в таком случае и обладает всеми теми субъектными чертами, которые при логическом осмыслении исчезают. Иначе говоря, субъектная природа этноса тянется из первобытности и в нее же и влечет. Более того, национализм вынужден подчиниться этому влечению в силу того, что ее временное мышление, по мнению Б. Андерсона, направлено из настоящего в прошлое. «Поскольку у нации нет Творца, его биография не может быть написана поевангельски, “от прошлого к настоящему”, через длинную прокреативную череду рождений. Единственная альтернатива – организовать ее “от настоящего к прошлому”: к пекинскому человеку, яванскому человеку, королю Артуру, насколько далеко сумеет пролить свой прерывистый свет лампа археологии. Такая организация, однако, размечается смертями, которые – по курьезной инверсии общепринятой генеалогии – начинаются с исходной точки в настоящем» [1, с. 222–223]. Приятно отметить, что великие «укры», жившие еще в Древнем Египте, подтверждают описание Б. Андерсона.

Однако мы должны не согласиться с утверждением Б. Андерсона о том, что у нации нет творца. В персоналистическом масштабе творцом европейской нации стал первый производитель массовой литературы Мартин Лютер, а в социальном масштабе это мелкий буржуа, сконструировавший секулярную социальность путем калькуляции и принесения в жертву этнического мышления.

Следует заметить, что под этническим мышлением в данном контексте мы понимаем осознание непреодолимости коллективных представлений как единственно необходимых интегрирующих начал социального бытия. Этническое мышление – это постоянная сосредоточенность на поиске духовного единства носителей единой картины мира этноцентрического образца. Конструкт нации же, наоборот, постоянно разрушает этот этноцентр, предлагая все новые, заимствованные сценарии рождения нации. В частности, как раз на место крестьянской общины в этническом мышлении в качестве прародителя приходит независимый от коллективных представлений мелкий буржуа. Он логичен и рассудочен, предпочитает относительные истины поиску абсолюта, закон благодати, изменение развитию. Для него история должна быть полна разрывов. Эффект смены латыни на национальный язык и есть очередной разрыв. Этническое мышление же, напротив, разрывов не находит, ибо сакральное в нем выражалось и выражается через язык. Короче говоря, этническое мышление – это всегда национальная идея, а конструкт нации – это идея нации. В этом их смысловое различие.

Заметим, что полемика М. Лютера с католичеством началась с того момента, когда он стал считать доходы церкви, а сама церковь начала ускорять процесс строительства Собора Святого Петра путем первого буржуазного предприятия продажи индульгенций. Это, если хотите, первый символический капитал, вовремя распознанный М. Лютером и обращенный им в пользу конкретной нации. Неслучайно у Б. Андерсона содержится весьма интересное суждение о том, что М. Лютер впервые породил массовую литературу: «В результате, Лютер стал первым автором бестселлеров, известным в качестве такового. Или, если выразиться иначе, первым автором, который мог “продавать” свои новые книги, опираясь на свое имя» [1, с. 62]. Иисус заговорил с немцами по-немецки, латынь была десакрализована, т. е. переведена. Нация возникла, прорыв нуминозного, сконструированный М. Лютером, состоялся. Однако было отсечено этническое мышление, ибо оно обнаружилось у крестьян, а его носителем должен был стать только мелкий буржуа, ибо крестьянин угрожал своей лиминальностью философской избранности. Он мешал конструировать нацию. Поэтому акт М. Лютера был направлен не на актуализацию народного мышления как возрождения некоего священного единения, а на приоритет некоего политически и экономически централизованного мышления мелкого буржуа. Иначе говоря, М. Лютер при творении нации совершил акт конструирования мышления. Секулярное мышление нации и судит мышление первобытное потому, что оно, по сути, есть иное восприятие мира и человека.

И. В. Киреевский, на наш взгляд, очень четко показал, как конструкт нации в контексте протестантизма уничтожает саму попытку воображения коллективного (народного мышления). В своей работе «О необходимости и возможности новых начал для философии» он указывал: «Но Священное писание, не проникнутое единомысленным разумением, принимало особый смысл по личным понятиям каждого. По этой причине и чтобы удовлетворить всем личным сознаниям, надобно было не только найти общее основание истины в

разуме человека вообще, но непременно в той части его разума, которая доступна всякой отдельной личности. Потому философия, возбужденная протестантизмом, преимущественно должна была ограничиваться областью разума логического, равно принадлежащего каждому человеку, каковы бы ни были его внутренняя высота и устройство. Совокупление всех познавательных способностей в одну силу, внутренняя цельность ума, необходимая для сознания цельной истины, не могли быть достоянием всех. Только разум отношений, разум отрицательный, логический, мог признаваться за общий авторитет, только он мог требовать безусловного признания своих выводов от каждой особенной личности» [5, с. 244].

Здесь утверждается разрыв между мышлением нации и мышлением этноса. Здесь же происходит та философская революция, которую потом обозначил К. Леви-Стросс, а именно революция коллективной субъектности как реакция на расовый национализм, смысл коего можно увидеть в следующем его высказывании: «Возмнить себя существом извечно или хотя бы временно поставленным над другими, обращаться с людьми, как с вещами, либо из-за различия рас и культур, либо в результате завоевания, либо ради «высокой миссии», либо просто ради целесообразности, – это неискупимый грех, которому нет оправдания в цивилизованном обществе» [7, с. 27].

Такое мировоззренческое изменение в человеческой природе вполне объяснимо, если понять, что основным источником национализма и его результата – конструкта нации выступает его символическое уничтожение этнического мышления как угнетающего индивида. Индивид никому не сочувствует, ибо он постоянно находится в толпе, а значит, он не знает отождествления себя с другими. Тогда как в этническом мышлении, отождествив его с первобытным, мы видим эту потребность в отождествлении. Что дает сострадание, а сострадание уже предполагает социальную субъектность, а значит, недопущение заимствования или конструктивизма. Национализм через конструкт нации убивает саму возможность иного народного мышления, ибо она кроется в отождествлении себя с другим как с живым существом.

Сторонники нации утверждают только после победы над этим типом мышления. Рациональное мышление как предтеча и цель нации начинается тогда, когда этническое бытие расколдовывается при помощи лишения сакральных объектов их мистической силы. Значит, нам необходимо понять, какие объекты сакрального свойства порождали воображаемое сообщество, именуемое этносом, и как они утрачивали свою сакральность.

Проще говоря, что разрушал и разрушает национализм и как ему удастся связать и навязать иной тип мировоззрения большим человеческим сообществам? Заметим, что и этнос, и нация являются воображаемыми сообществами, а значит, речь идет о том, какие формы воображения угнетаются, а какие формы рационально навязываются. Это вполне соответствует тому факту, что коллективные представления, по сути, никуда не исчезают, они переходят из одной формы в другую. Чтобы доказать это, обратимся к определению коллективных представлений, данному Л. Леви-Брюлем: «Представления, называемые коллективными, если их определять только в общих чертах, не углуб-

ля вопроса об их сущности, могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение; они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т. д. в отношении своих объектов. Они не зависят в своем бытии от отдельной личности, их невозможно осмыслить и понять путем рассмотрения индивида как такового» [6]. Уязвимость данной позиции можно усмотреть в том, что индивида как такового можно рассмотреть в контексте его конфликта с коллективными представлениями. Между тем если ценность индивида рассматривать приоритетно, то утрачивается та позиция, что коллективные представления подавляют не самого индивида вообще, а его понимание общества как объекта тотального характера. Индивид и начинается тогда, когда коллективные представления объявляются бессмысленными. При опоре на коллективные представления мышление субъекта становится невозможным. В общем, коллективные представления порождают только эмоции, а так они немислимы. Мышления народа не существует, есть только мышление индивида. Конечно, это вполне логично, но не совсем. Отказ от коллективных представлений не приносит пользы индивиду в силу того, что мыслить только мыслимое – значит однобоко конструировать социальную реальность. Возможно, мыслить немислимое. А немислимое и есть те самые коллективные представления, которые до этого отменялись. Наглядно это видно из определения мысли, данного Ф. И. Гириком: «В мысли соединяются воображение и опыт. Предел мысли в немислимом безумном...» [3, с. 14]. Уязвимость этнического мышления и состоит в том, что оно воображение соединяет с опытом, порождая этническую реальность, в то время как конструкт нации берет только опыт, только плоскость текста. Поэтому в плоскости текста нацию увидеть легко, ее легко сконструировать, а с этносом сложнее.

Из этого различия мышления об этносе и мышления о нации сразу возникает понимание того, почему В. А. Тишков и многие зарубежные антропологи полемизируют с примордиалистами и инструменталистами. У примордиалистов, по мнению В. А. Тишкова, «...этничность – это прежде всего разделяемая членами группы культурная общность с объективными характеристиками принадлежности: территория, язык, экономика, расовый тип, религия, мировоззрение и даже психический склад» [12, с. 101]. Как видим, столь схематическое изложение позиции примордиализма сразу дает нам возможность найти его уязвимость. Она таится вне связности его составляющих. На это и указывают конструктивисты, ибо связность этой схемы только предполагается. По всей видимости, примордиализм в таком ключе можно считать предтечей конструктивизма, ибо и тот, и другой этническому мышлению в наличии отказывают. Точнее, примордиализм подчиняет этнос биосоциальному или историко-социальному процессу, а конструктивизм вообще начинает этнос с нуля, подчиняя его некой социальной инженерии.

Если примордиализм стремится вывести этнос из поля политического, но превращает его в природный или исторический объект, подчиняющийся законам либо истории, либо природы, то конструктивизм использует влия-

тельные тексты для построения некоего политически просвещенного сообщества. В данном случае и гражданское общество, и нация совпадают. Но здесь возникают два народа: один строит нацию, т. е. думает, а другой не сопротивляется, ибо не испытывает «удовольствия мыслить иначе». Событие этнического мышления не определено, оно невозможно.

В лоне политического использует этнос другой подход – инструменталистский. В. А. Тишков определяет его сущность таким образом: «Этничность как бы пребывая в спящем состоянии, “вызывается” к жизни и используется в целях социальной мобильности, преодоления доминирования и подчинения, социального контроля, осуществления взаимных услуг и солидарного поведения, стремления к гармонии и для достижения гедонистических устремлений» [12, с. 104]. Как видим, во всех случаях этнос объективирован, он не мыслит, а в случае конструктивизма он не существовал доселе. Ведь любой конструкт и исторически, и социально, и биологически строится впервые.

Сконструированная нация убеждает, что секуляризация является процессом освобождения творческого начала в человеке, в том числе и в его осмыслении истории. Возникает миф о том, что благодаря тотальному господству науки в человеке проснулось, наконец, историческое самоосмысление, позволившее перенести свою волю с практик сакрального социотворения на практики секулярного конструирования социальной реальности. Человек стал совмещать несовместимое, создав доселе невиданных социальных субъектов рационального характера.

Л. Н. Гумилев описал этногенез как некий природный процесс объективного характера, независимый от воли человека. В этом отношении его теория этногенеза уязвима с точки зрения обреченности этнического. Вместе с тем он на месте этноса-субъекта, сотворенного, с его точки зрения, пассионариями, оставляет субпассионарную массу, ждущую очередного завоевания для уничтожения тех, кто обладает высоким чувством исторического. В этом зазоре субпассионарий успеваеет табуировать многие социальные практики, чтобы акт продолжения истории этноса стал недоступен.

Такие практики табуирования мы называем социальностью, подразумевая под ней состояние непричастности этнической культуры к акту социотворения. Отличительной чертой такой социальности предположительно может выступить полное игнорирование этнического самосознания как основной опоры творения приемлемого образа общества. Возможно, данное игнорирование не случайно, но признавать его объективным процессом не стоит. Осмелимся предположить, что «остывание» этнического самосознания происходит благодаря убеждению массы в том, что его порождает иной опыт бытия, нежели до этого утверждалось. Если в эпоху этнического рассвета опытом, устанавливающим этническое самосознание, выступал религиозный опыт, то в условиях кризиса этничности и господства социальности на повестку дня выходят квазирелигиозные практики дезинтегрирующего характера, демонстрирующие бессилие религиозного опыта и обеспечивающие уход его носителя с исторической сцены.

Индивид, пребывая в секулярном пространстве, угнетен тем, что этнические интеграторы не работают, точнее он не подозревает об этническом мышлении как о подлинном начале объединения в сообщество органичного или субъектного характера. Если воспользоваться определением сущности нации, предложенным Э. Ренаном: «А сущность нации в том и состоит, что все индивиды, ее составляющие, имеют между собой много общего и в то же время они забыли многое, что их разъединяет» [11, с. 12], то можно увидеть, что конструкт нации происходит в результате разъединения индивидов через рынок или через партийность, а потом их соединение, но уже на заимствованной основе. В этом определении можно усмотреть конструирование нации как процесс социальной интеграции после некоего разъединения. Разъединение на момент зарождения нации уже говорит о том, что до этого была интеграция, потом она исчезла и вновь возродилась в ином качестве и в иной сущности. Этнос не нация. У него другое мировоззрение. Его интеграция ненасильственная, а вот интеграция нации уже иного характера. Ее можно рассмотреть как унификацию существования путем тотального внедрения квазирелигиозного опыта. «Национализм не есть пробуждение наций к самосознанию: он изобретает нации там, где их не существует», – отмечает Эрнест Геллнер [цит. по: 1, с. 310]. Из этого определения видно, что этнического самосознания, а значит этнической субъектности в том виде, в котором оно было до националистической дезинтеграции или возникновения индивидуализированной социальности, в нациестроительстве не наблюдается.

Таким образом, мы видим, с одной стороны, выявленное воображаемое сообщество в лице этноса, а, с другой стороны, сконструированное воображаемое сообщество в лице нации. Нация приходит после «дезинтеграции» этноса, после секуляризации исторического пространства, в результате упадка средневекового мирозерцания (В. С. Соловьев, С. С. Аверинцев). Поэтому под этническим самосознанием следует понимать все практики самоидентификации, не признающие секуляризацию истории и обозначающие факт дезинтеграции этноса мифом, не имеющим исторических оснований. Короче говоря, этническое самосознание – это игнорирование вещного принуждения социума в осмыслении социального бытия. Оно не допускает симулякров.

Методологически верным было бы утверждение, что этническое самосознание до возникновения нации – это этническая субъектность, признанная как социальный факт. Мы еще раз утверждаем, что этническое мышление существует и в условиях конструкта нации, более того, его носители активно сопротивляются объектной согражданственности. Однако соборность как выражение этого мышления все реже проявляет себя. А она нужна как технология гуманизации социального бытия, но она ставит под сомнение усилия конструкторов нации. Соборность указывает на совершенно иные задачи социума, нежели предлагает национализм.

Если прибегать к методологии С. С. Аверинцева, то такая ситуация происходит в результате потери целостности человека за счет непричастности его к творению общества. Его приспособление к уже готовому социуму кажется ему вполне объективным состоянием социального существования, где

он может оставаться непричастным к некоторым негативным для него формам социальности. Эта непричастность порождает нежелание им противостоять, а значит, вызывает дезинтеграцию, от которой он страдает в силу того, что его интегрируют насильственно другие, а он сам утратил навык интеграции с обществом в целом.

Следует заметить, что практики интеграции традиционного образца им осознаются, но, находясь в интегрированной толпе, он не способен осознать всю ответственность перед другими, ибо их уникальность им не воспринимается. Наряду с этим традиционные формы интеграции признаются субъектами в рамках сконструированной социальности, отжившими и даже вредными. Их отжившее состояние его гнетет, ибо он чувствует, что это не так, но высказать или показать свое инакомыслие боится. Боится в силу слепой веры в прогресс и регресс. Сконструированная социальность признает толпу как повседневное социальное существование, а этническое самосознание с толпой борется, ибо для него толпа – это состояние смерти. Толпа не занимается самопознанием, она под воздействием рациональных практик уничтожает общество, и созданная после раскаяния рациональная социальная система бездуховна. Для этой формы социального бытия действительно «Бог мертв» (Ф. Ницше). Бог отсутствует по причине того, что человек не знает законов полноты социального бытия, ибо принципы этнического социостроения (домостроя) дискредитированы. Принципы этнического социостроения дискредитированы, потому что они запрещают вытеснение абсурда, без него социальное мышление невозможно. Социальное мышление, отталкивающееся от абсурда, и создает самобытное социальное мышление. Здесь уместно вспомнить выражение А. С. Пушкина: «Сказка – ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок» [7, с. 366]. Можно сказать, что бог – это совокупность запретов на неинтимное социальное и требование высказывать интимное этническое. Потеря интимного этнического, его высказывания как необходимого акта социотворения и человеческой интеграции и есть суть служения богу. Возможно, в этом и кроется загадка выражения Э. Дюркгейма «Бог – это общество».

Но человек, прибегая к конструкту нации, страшится этнического как интимного. Его страх объяснил Ж. Батай следующим образом: «Человек страшится интимного уклада, сознавая его несовместимость с миром вещей» [2, с. 53]. Мир вещного изобилия нахлынувших инноваций потребовал жертвы, и этой жертвой, по мнению социальных конструкторов, должна стать или стала этничность. Нация принуждает к потреблению и производству, этничность – к недопущению «общественного самоубийства» (Р. Жирар). Духовность в этичности первична, она на основании повсюдности религиозного опыта демонстрирует иное обхождение с вещью, чем принято у нации. В этичности обладание вещью не является чем-то смыслополагающим, от вещи добиваются указания на вечное как интеграционное начало. Вместе с тем религиозный опыт часто утверждает, что отречение от обладания или владения – это путь к свободе и доверию. Он постоянно добивается понимания блага как восприятия полноты бытия. Вещь же, порождая неравенство через владение или отсутствие такового, устанавливает восприятие бытия как не-

полного и небытия в силу этой неполноты. Далее эта неполнота перекидывается на человека и общество. Человек теряет целостность и не может целостно воспринять себя и общество. Отсюда возникает непреодолимое желание кого-то исключить путем унижения или принесения в жертву.

Нахождение жертвы среди «своих» и ее определение как мешающей вещи как дополнения неполноты бытия не заставляет долго ждать, этой жертвой признается носитель религиозного опыта этноса – святой. Святость вступает в фазу угасания, ее интегрирующие практики теряют смысл. Она передается в устных традициях и выживает долго, но сам опыт из центрального акта социотворения превращается в некое чудачество, ни к чему не ведущее. Иначе говоря, молчание этнического самосознания относительно социальных законов конструкторами нации утверждается в качестве объективной закономерности этнического развития. По их мнению, сохранение нерациональных практик этнического ведет к деградации. Но справедливости ради следует отметить, что конструкторы нации, разрушая практики этнического мышления, замещают его «безвредной» этноархаикой, сущность которой проанализировал в ряде своих работ А. С. Панарин [см. 9].

К сожалению, историческая память конструируется таким образом, что все социальные бедствия признаются порожденными как раз теми интегрирующими практиками, которые удалось дискредитировать. Они – естественный кризис интимного. Далее следует отказ от духовных практик как значимых. Религиозный опыт создавал и создает общество, национальное самосознание творит социальную реальность без интимного, реальность тотальной публичности. Именно ограниченностью публичности этнос отличается от нации. Через публичность приходит «смерть социального» (Ж. Бодрийар), по сути, означающая символическую смерть этнического мышления в глазах массы. Жорж Батай предложил следующее описание этой смерти: «Человечество, поглощенное заботами о неустанном развитии производства, осознавая напрасность усилий, прилагаемых в этой жизни во имя спасения, но неспособное продолжать поиск того, что может быть обретено не иначе, как своим путем, отказывается от извечного поиска утраченного интимного» [2, с. 94].

Прямое указание Жоржа Батая на религиозный опыт как на извечный поиск, обретение и «утрату» духовных основ общества, таящихся в этническом мышлении, очевидно. Этническое замирает, точнее оно не репрезентируется как необходимая основа социального бытия. Воспроизводство этничности из необходимости превращается в проблему модернизации, которую нация решает путем прекращения процесса постижения этнического, исходя из ситуативных политических интересов и вопреки исторической необходимости.

Этничность при помощи религиозного опыта выделила человека из животного мира через обретение интимного единства с миром вообще. Эта сущность религиозного опыта не устраивает конструкторов нации в силу его восприятия другого как блага, как собственного отражения в зеркале. Нация принуждает бороться с другим, чтобы существовать, а всего удобнее бороться в животном состоянии – состоянии индивида. Поэтому социализация личности в рамках национального сообщества более телесна, нежели в этносе.

Скажем больше, телесность в рамках нации публична. Такая публичная телесность настаивает на ненужности интимного даже в доме-космосе. Утрата интимного как кризис духовности не рассматривается как отправная точка его решения в силу того, что за этим признанием наступит констатация факта непродуктивности навязанного социумом типа сознания и самосознания.

После обнаружения духовной импотенции нации наступит желание вернуться туда, где духовное процветало, т. е. в этнос. Но возвращение к этносу пугает его неустойчивостью, его непринудительной силой, в нем некомфортно. Неустойчивость этничности очевидна, она обозначена Ж. Батаем как «неустойчивость традиционных установок интимного миропорядка». Ее происхождение таится в установке неправильной связи между ними и сознательной (рациональной) деятельностью. Скорее всего, этот принцип соединения и есть методологическая основа для конструирования нации. Он четко нацеливает воображение человека на отрицание абсурдного как необходимого фактора созидания исторического субъекта. Иллюзия исчезнувшего этноса заключается в том, что его пытаются обрести через сознательную деятельность, порождающую нацию, а не этнос. Поэтому для обретения этнического мышления как преодоления практики тотального господства нации необходим разрыв между сознательной деятельностью и традиционными установками интимного миропорядка. «Неустойчивость традиционных установок интимного миропорядка на самом деле заключается в том, что его неизменно рассматривают вкупе с сознательной деятельностью, либо признавая за ним способность воздействия на таковую, либо пытаясь приобщиться к нему посредством таковой», – писал Ж. Батай [2, с. 101].

Никто не говорит об уничтожении сознательной деятельности, но в социально-философском анализе воображаемых сообществ следует учитывать методологический принцип, указывающий на то, что сознательная деятельность не может заменить созерцательные практики религиозного опыта как создающие иной порядок социального бытия. Поэтому приобщение к космосу этнического требует разрыва с сознательной деятельностью, приобщаться к этносу необходимо по-другому.

Методологическое утверждение, что этнос не преодолен как социальный субъект, таит в себе обнаружение конфликтов там, где идеология национализма признала их раз и навсегда решенными. Для нас нация – это лишь временное отвлечение внимания, чреватое многими жертвами. Возврат к этническому происходит через отказ от подражания. Установление факта подражания, его критериев выведет нас на самобытность в ее исторической перспективе. Нам необходимо помнить, что национализм, создающий нации, есть подражание, разрушительное подражание. Его разрушительное действие видели и видят немногие. Их предупреждения основаны на кропотливом анализе миропорядка, творимого национализмом. Одним из таких предвидений является работа К. Н. Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции. Письма к О. И. Фуделю». Анализируя национализм середины XIX в., К. Н. Леонтьев отметил следующее: «У многих вождей и участников этих движений XIX в. цели действительно были национальные, обо-

соблюдающие, иногда даже культурно-своеобразные, но результат до сих пор был у всех и везде один – космополитический» [8, с. 727].

Национализм стремится приобщить этнос к сознательной деятельности, но она одномерна и несамобытна и задана всегда теми, кто ушел дальше по пути прогресса. Поэтому космополитический характер национализма требует снятия проблемы подражания. Для этноса подражание есть отправная точка для его возникновения. Подражание требует от чего-то отказаться. Этнос четко заявляет отказаться от самобытия, а значит от мышления, взыскующего мудрости. Мышление не терпит расчета, калькуляции, национализм этим только и занимается.

Поэтому основным полем борьбы национализма является его борьба с религиозным опытом. Человек выбирает жить для того, чтобы есть. Ему тут же предлагается сущностное самоопределение, не успокаивающее его, а дающее возможность существовать, но не быть. Этот диссонанс важен в силу того, что он характерен для нации. Его осознание предполагает возможность возврата к мышлению, а значит к самобытности.

Секулярное мировоззрение настаивает на продолжении сознательной деятельности, а значит на игнорировании актуализации религиозного опыта. Духовный кризис современных обществ усугубляется. Человек не видит смысла религиозного опыта как основы понимания исторического развития этноса, он не обретает этнического мышления, хотя в церковь ходит.

Низведенность конструктом национализма человека до положения объекта, вещи приводит к тому, что человек перестает воображать свою ценность и незаменимость. Он уже не причастен к социотворению, а значит, самобытность выразить в иной деятельности кроме социотворения невозможно. Такое непринятие уникальности одних устраивает, и они существуют, адаптируясь к социальности, а вторых нет, и они прибегают к религиозному мировоззрению без религиозного опыта. Религиозное мировоззрение без религиозного опыта ненадежно. Оно, по мнению Батая, претерпевает изменения под влиянием миропорядка вещей, «не помышляя о том, чтобы воздействовать на него самого» [2, с. 101]. Воздействие на привычный миропорядок, вполне возможно, и есть суть религиозного опыта. Привыкание не есть свобода, оно не вызывает изменения человека в сторону торжества интимного. Поэтому религиозный опыт и конфликтует даже с традиционными религиозными установками в силу того, по мнению Ж. Батая, что «принцип реальности одерживает верх над интимным» [2, с. 101]. Заметим, что такой верх содержится и в архаических религиях, что позволяет говорить о некой общей тенденции религиозного развития. Эту тенденцию можно обозначить, вслед за М. Вебером, как «рутинизацию харизмы», а в контексте нашей работы – как факт победы социальной религии над религиозным опытом общественного.

Общественное погибает там, где появляется посредничество. Об этом предупреждал И. А. Ильин [4]. Этничность в ее связи с религиозным опытом постоянно выступает против посредничества, но невыразимость интимного современным человеком заставляет последнего прибегать к помощи посредника, не получая восстановления интимного единства с обществом. При по-

среднике интимное не высказывается самим субъектом, оно становится публичным и преследуется. Иначе говоря, современный социум преследует интимное в силу того, что отказавшийся от посредника субъект будет искать практик его выражения. И неизбежно он придет к тем формам интеграции, на уничтожении которых и было основано социальное механического вида. Очевидной станет дифференциация социальных практик общественного и социального, станут понятны разные формы, их порождающие. Если опираться на «Легенду о великом инквизиторе», то четко будет видна паразитарно-устрашающая сущность социального, основанного на недоверии к людям. Великий инквизитор уничтожает живой религиозный опыт в силу того, что он таит угрозу его посредничеству. Поэтому ему необходимо вместе с религиозным опытом уничтожить и этническое самосознание. Поэтому нация как торжество конструктов и подается как новая историческая форма интеграции. Интеграции в интересах тотального посредничества. Таким тотальным посредником становится буржуа, а до него епископ. Поэтому протестантская этика не возникла на пустом месте, она расширила ареал посредничества в обществе. Посреднику необходима дезинтеграция, разрушение интимного, овеществление социального бытия. Но он не в силах справиться с органичностью этнического до тех пор, пока не справится с религиозным опытом. Он и справляется, делая его публичным, т. е. подвергая научной ревизии или рационализируя его. Смысл истории, с исключенным иррациональным или интимным, с исключенной связью религиозного опыта и этнического самосознания, предстает как сосредоточение практик социальной интеграции в руках посредника.

Однако он понимает, что без коллективной идентичности человек не может совершать историческое действие. Поэтому он конструирует нацию, определяя ее исторические цели и перспективы. Его господство начинается там, где не осознается факт этничности против нации, где дезинтеграция этноса предстает не как результат социальных практик нациестроителей, а как объективный исторический процесс. Бог умер, этнос умер, общество мертво. На их место пришел свободный разум, великая нация и тотально принуждающий социум, вечный потому, что рациональный мир становится единственной формой социального бытия. Эта единственность требует от философии самобытности, отправной точкой которой и является анализ проблемы «Этническое мышление против конструкта нации».

Мы изложили свою позицию, но вполне осознаем необходимость анализа этой проблемы с разных теоретических позиций. Надеемся, что этот анализ не замедлит появиться хотя бы на страницах данного издания. Более того, мы вполне понимаем, что многие наши утверждения нуждаются в дополнительной проверке опытом или теорией. Заметим, что само словосочетание «этническое мышление» уже раскрывает широкие горизонты в социальной философии. Dixi.

Список литературы

1. *Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Бенедикт Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева. – М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.*

2. *Батай Ж.* Теория религии / Жорж Батай ; пер. с фр. Ж. Гайковой, Г. Михалковича. – Минск : Совр. литератор, 2000. – 352 с.
3. *Гиренок Ф. И.* Удовольствие мыслить иначе / Ф. И. Гиренок. – М. : Акад. проект, 2008. – 235 с.
4. *Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – М. : Парог, 1993. – 448 с.
5. *Киреевский И. В.* Избранные статьи / И. В. Киреевский. – М. : Современник, 1984. – 383 с.
6. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление [Электронный ресурс] / Люсьен Леви-Брюль // Psychology : психология на русском языке : сайт. – URL: <http://www.psychology.ru/library/00032.shtml>.
7. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление / К. Леви-Строс ; пер. с фр. А. Б. Островского. – М. : Республика, 1994. – 384 с.
8. *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство / К. Н. Леонтьев. – М. : Эксмо, 2007. – 896 с.
9. *Панарин А. С.* Православная цивилизации в глобальном мире / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2002. – 496 с.
10. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений. В 10 т. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1960. – Т. 3. – 541 с.
11. *Ренан Э.* Что такое нация / Э. Ренан. – СПб. : Изд. В. Бермана и С. Войтинского, 1886. – 43 с.
12. *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М. : Наука, 2003. – 545 с.

Ethnic Thinking versus Nation Construct

A. I. Bobkov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Opposition of ethnic thinking and that of the nation is analyzed. Such opposition is necessary since ethnic image of a society and an image of a modern society are in dissonance. It is because ethnos originally taught society's creation to the subject. And modern society unfortunately ignores these practices, offering constructs in exchange. Its reliance on the total market blocks many institutions imperceptibly destroying them. As a result the tragedy of uselessness of ethnic culture becomes an important component of existence of our contemporary citizen.

Keywords: ethnicity, nation, social, religious experience, ethnic identity, intimate, social subjectivity.

Бобков Александр Иванович

*кандидат философских наук, доцент,
кафедра социальной философии
и социологии*

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)243748
e-mail: iab71@inbox.ru*

Bobkov Alexander Ivanovich

*Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor, Department of Social
Philosophy and Sociology
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)243748
e-mail: iab71@inbox.ru*